

DOI: 10.31857/S032103910008630-6

«АРИЙ, ПОКЛОНЯЮЩИЙСЯ ОРМАЗДУ»: К ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ШАХАНШАХА НАРСЕ

В. А. Дмитриев

Псковский государственный университет, Псков, Россия

E-mail: dva_psk@mail.ru

Фигура шаханшаха Нарсе (293–302 гг.) является одной из самых колоритных и в то же время самых драматичных среди всех представителей династии Сасанидов. Будучи наиболее вероятным претендентом на корону после смерти своего брата Ормизда-Ардашира (Ормизда I) (272–273 гг.), Нарсе дважды (в 273 и 276 гг.) был оттеснен от трона конкурентами — братом Варахраном I (273–276 гг.) и сыном последнего Варахраном II (276–293 гг.). Все это время Нарсе являлся наместником («царем») важных пограничных провинций сасанидского Ирана: до 273 г. — Сакастана, с 273 по 293 г. — Армении. Стать шаханшахом Нарсе смог только в 293 г., отстранив от власти преемника Варахрана II Варахрана III (293 г.). Правление Нарсе было омрачено поражением Ирана в римско-персидской войне 296–298 гг. и уступкой Риму нескольких областей в Северной Месопотамии. Пользуясь ослаблением Персидской державы, Армянское царство в 301 г. приняло христианство и таким образом окончательно превратилось в противника сасанидского Ирана. Во внутренней политике царствование Нарсе было ознаменовано ослаблением религиозных гонений, направленных против незороастрийцев, возрождением культа богини Анахид и дальнейшим усилением позиций родовой знати. В 302 г. Нарсе, вероятно, отрекся от престола под давлением недовольной его правлением аристократической группировки. Однако считать Нарсе главным виновником бед, обрушившихся в годы его царствования на державу Сасанидов, было бы неверно. Все происходившее в это время во многом являлось итогом разрушительного для Иранского государства двадцатилетнего пребывания у власти его предшественников, и исправить положение одному Нарсе за тот короткий срок, который он находился на троне, вряд ли было под силу.

Ключевые слова: сасанидский Иран, династия Сасанидов, Нарсе, Варахран I, Варахран II, Варахран III, династическая история, политическая борьба, престолонаследие

Данные об авторе. Владимир Алексеевич Дмитриев — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета.

“ARYAN WORSHIPING OHRMAZD”:
TOWARDS THE POLITICAL BIOGRAPHY
OF SHAHANSHAH NARSEH

Vladimir A. Dmitriev

Pskov State University, Pskov, Russia

E-mail: dva_psk@mail.ru

The figure of the Sasanian shahanshah Narseh (293–302) is one of the most colourful and at the same time the most dramatic in the history of the Sasanid dynasty. Despite the fact that Narseh was the most likely candidate for the crown after the death of his brother Hormizd-Ardashir (Hormizd I; 272–273), it was his brother Warahran I who took the throne (273–276). In 276, Narseh failed to become king again, and the throne passed to the Warahran I's son Warahran II (276–293). Throughout these years Narseh was the viceroy (*šāh*) of important border provinces: up to 273 – Sakastan, from 273 to 293 – Armenia. Narseh managed to become shahanshah through a coup d'état with the support of the highest Iranian nobility only after the death of Warahran II. The reign of Narseh was marred by the defeat in the Roman-Persian war of 296–298 and the annexation of several important Persian regions in Northern Mesopotamia by the Romans. Taking advantage of the weakening of Sasanian Iran, in 301 the Armenian Kingdom adopted Christianity and thereby finally became an enemy of Persia. The internal political situation during the reign of Narseh was marked by a relaxation of religious persecutions directed against the non-Zoroastrians, the revival of the cult of the goddess Anahid (who was considered as the patroness of the first Sasanian kings), and further strengthening of the nobility, who became virtually independent from central government. Narseh probably abdicated the throne in 302 under the pressure of an aristocratic faction dissatisfied with his rule. However, it would not be right to think that Narseh was the main culprit of the misfortunes that fell upon the Sasanid state during his reign. Everything that happened at that time was an objective result of the twenty-year destructive government of Narseh's predecessors, and it was impossible for one king to turn the tide within such a short period.

Keywords: Sasanian Iran, Sasanids, Narseh, Warahran I, Warahran II, Warahran III, dynastic history, power struggle, succession to the throne

Фигура шаханшаха Нарсе (ср.-перс. *nersah*, греч. *Ναρσῆς*, лат. *Narseus*) (293–302 гг.) является одной из самых колоритных и в то же время самых драматичных среди других представителей династии Сасанидов. Являясь прямым потомком основателя сасанидской державы Ардашира Папакана (224–242 гг.), он смог вступить на трон лишь на склоне лет, будучи не раз обойденным своими более удачливыми родственниками. Когда Нарсе все же добился своей цели и, наконец, возложил на себя корону «царя Ирана и не-Ирана», то не смог добиться каких-то значительных успехов, и годы его правления стали временем упадка империи Сасанидов.

В отечественной историографии личность Нарсе крайне редко становилась самостоятельным объектом научного интереса. Единственным специалистом, обратившим внимание на политическую карьеру этого представителя династии Сасанидов, является В.Г. Луконин, одна из статей которого, опубликованная в 1964 г., была посвящена истории противостояния Нарсе и его племянника Варахрана II

в борьбе за персидский трон¹. Отдельные сюжеты, связанные с жизнью и деятельностью Нарсе, затрагивались Лукониным и в ряде других его исследований².

Зарубежные иранисты обращались к фигуре Нарсе несколько чаще, однако и здесь работы, посвященные непосредственно интересующему нас персонажу, носят единичный характер и, как правило, раскрывают лишь отдельные аспекты биографии Нарсе (обстоятельства прихода к власти³, отношения с Римом⁴, официальная иконография Нарсе⁵ и др.). Единственным исключением на этом фоне является немецкая исследовательница У. Вебер, относительно недавно опубликовавшая обстоятельную статью, посвященную Нарсе⁶.

Представляется, что столь незначительное внимание ученых к фигуре Нарсе не соответствует роли этого правителя в истории Сасанидского государства. Как мы увидим ниже, многие из векторов развития Ирана (да и не только Ирана) в последующие столетия берут свое начало именно в годы правления этого царя, а потому комплексная и, насколько это возможно, всесторонняя историческая реконструкция событий, связанных с его приходом к власти и последующим правлением, представляется принципиально важной для более полного и точного понимания процессов, происходивших на Ближнем Востоке в период поздней античности.

Наши сведения о раннем этапе политической карьеры Нарсе крайне немногочисленны, и судить о ней мы можем исключительно на основе скудных данных сасанидской эпиграфики. Впервые имя будущего шаханшаха встречается в трехязычной надписи шаханшаха Шапура I (242–272 гг.) на «Каабе Зороастра» (далее — ŠKZ), высеченной в начале 260-х годов (вероятно, в 262 (или 263) г.⁷), где при перечислении сыновей царя Нарсе назван «арием, поклоняющимся Ормазду» (*ēr mazdēšn*⁸), царем Синда, Сакастана и Турестана до берега моря», в честь которого отцом, Шапуром I, был учрежден отдельный храм огня (ŠKZ. MP. 24; Parth. 19; Gr. 42–43)¹⁰. Здесь же, но чуть ниже, Нарсе упомянут как «царь саков» (саканшах) (ŠKZ. MP. 25; Parth. 20; Gr. 47–48). Таким образом, можно заключить, что к 262 г. Нарсе уже был вполне зрелым человеком и исполнял функции наместника огромной территории («Синда, Сакастана и Турестана до берега моря», т.е. фактически всего Восточного Ирана). Учитывая, что в сасанидском Иране

¹ Lukonin 1964, 48–63.

² Lukonin 1969; 1979; 1987 и др.

³ Weber, Wiesehöfer 2010.

⁴ Wiesehöfer 2007.

⁵ Tanabe 1986; Göbl 1959; DeShazo 1993; Mosig-Walburg 2011; Alram 2012.

⁶ Weber 2012. Эта работа У. Вебер позднее легла в основу подготовленной ею же одноименной статьи в «Encyclopaedia Iranica» (Weber 2016b).

⁷ Henning 1939, 845; 1954, 40; Lukonin 1969, 61; Weber 2016a, 315.

⁸ Ормазд — среднеперсидский вариант имени зороастрийского бога Ахурамазды.

⁹ В историографии нет полного единодушия в вопросе о том, действительно ли в данном случае выражение *ēr mazdēšn* следует понимать буквально (т.е. «арий (иранец. — В.Д.), поклоняющийся Ормазду»); о возможных подходах к интерпретации словосочетания *ēr mazdēšn* см. Gnoli 1989, 142–148; 1998.

¹⁰ Здесь и далее MP. означает среднеперсидский, Parth. — парфянский, Gr. — греческий варианты текста ŠKZ.

правитель считался способным к самостоятельной деятельности по достижении 16-летнего возраста¹¹, можно предположить, что Нарсе родился не позднее 246 г. Но если принять во внимание огромные размеры и важность подконтрольной ему приграничной территории, а также применение Шапуrom I характеристики «арий, поклоняющийся Ормазду» только в отношении Нарсе¹², то становится очевидным, что на момент составления ŠKZ Нарсе уже успел зарекомендовать себя в качестве хорошего администратора (а возможно и полководца)¹³ и правоверного зороастрийца, а потому дату его рождения скорее всего следует отнести к еще более раннему периоду.

Наместником Восточного Ирана Нарсе, судя по всему, продолжал оставаться на протяжении всех последующих лет жизни отца и кратковременного правления своего старшего брата Ормизда-Ардашира (Ормизда I) (272–273 гг.). По крайней мере мы ничего не знаем о каких-либо изменениях в статусе и карьере Нарсе в этот период.

Ситуация кардинально изменилась после смерти Ормизда-Ардашира. Прямых наследников умерший шаханшах не оставил. Его сына Ормиздака, известного только по однократному упоминанию в ŠKZ (ŠKZ. MP. 26; Parth. 21; Gr. 50), к этому времени, очевидно, уже не было в живых — в противном случае Ормиздак как один из главных претендентов на освободившийся престол обязательно фигурировал бы в источниках¹⁴. Таким образом, в качестве преемников Ормизда-Ардашира должны были выступить его братья. Однако один из них, царь Месены («мешаншах») Шапур, скончался еще до составления ŠKZ, поскольку в качестве правителя Месены в тексте надписи выступает его жена (вдова) Денак¹⁵, обозначенная как «царица Месены, владения Шапура» (ŠKZ. MP. 30; Parth. 25; Gr. 60).

Таким образом, претендентов на освободившийся в 273 г. трон было двое: Нарсе и Варахран¹⁶, на момент смерти Ормизда-Ардашира носивший относительно скромный титул «царя Кермана» («керманшах») и, как следует из ŠKZ, единственный из сыновей Шапура I, не упомянутый среди тех, кто удостоился персонального храма «для души и увековечивания имени». К сожалению, мы не знаем, кто из двух братьев — Варахран или Нарсе — был старшим и, соответственно,

¹¹ На это, в частности, указывает сообщение Табари о том, что самостоятельное правление внука Нарсе шаханшаха Шапура II (309–379 гг.) началось, когда последнему исполнилось 16 лет: *Ta'riḫ al-rusūl wa'l-mulūk* [*The History of al-Tabarī*]. Vol. 5. *The Sāsānides, the Byzantines, the Lakhmids and Yemen*. Transl. and annot. by C.E. Bosworth. New York, 1999. P. 54 (далее — Tabarī).

¹² Остальные сыновья Шапура I (Ормизд-Ардашир, Варахран и Шапур) подобных эпитетов не удостоились.

¹³ Weber 2012, 161.

¹⁴ Lukonin 1969, 104, прим. 4.

¹⁵ Lukonin 1979, 10, 59.

¹⁶ Средневековые арабские историки ошибочно называют Варахрана сыном Ормизда-Ардашира: см., например, Tabarī, 43; Maçoudi, *Les prairies d'or*. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. T. 3. Paris, 1864. P. 167 (далее — Maçoudi); *Hamzae Ispahanensis Annalium libri X. T. II. Translatio latina*. Ed. I. M.E. Gottwaldt. Lipsiae, 1844. P. 36 (далее — Hamza); Dīnawarī, *The Book of Long Histories* в Bonner 2014, 352.

должен был иметь первоочередное право восшествия на освободившийся трон¹⁷. Неизвестно также, кого из них сам Шапур либо Ормизд-Ардашир считали более предпочтительной фигурой на престоле. Вместе с тем особая титулатура Нарсе и размеры подконтрольной ему территории являются косвенными признаками того, что именно он рассматривался Шапуrom I как наиболее подходящий кандидат на роль наследника престола. В этой связи заслуживает внимания гипотеза У. Вебер, по мнению которой в надписи Шапура на Каабе Зороастра его сыновья в одном случае (ŠKZ. MP. 23–24; Parth. 18–19; Gr. 40–43) перечисляются в порядке предписанной им отцом очередности наследования трона (Ормизд-Ардашир, Шапур, Нарсе; имя Варахрана здесь вообще отсутствует), а в другом (ŠKZ. MP. 25; Parth. 20; Gr. 47–48) — по возрасту, от старшего к младшему (Варахран, Шапур, Ормизд-Ардашир, Нарсе)¹⁸. В таком случае преемником Ормизда-Ардашира Шапур I действительно видел Нарсе. Вероятно, так полагал (или даже был уверен в этом) и сам Нарсе, на что указывает его надпись в Пайкули (далее — NPi), выполненная двумя десятилетиями позже, когда Нарсе уже стал шаханшахом. В одном из фрагментов этой надписи, как полагал Луконин, можно увидеть указание на то, что Шапур I хотел видеть наследником именно Нарсе¹⁹: «Шапур... завещал, чтобы над Ираншахром этот (Нарсе. — В.Д.) был господином» (NPi. 31–32)²⁰. Однако события развивались иначе, и на престол вступил Варахран I (273–276 гг.).

Причины происшедшего, а именно неспособности Нарсе реализовать свои права на трон, неясны. Вероятнее всего, в ситуацию вмешались какие-то политические силы, не подконтрольные ему. В.Г. Луконин полагал, что таковой стало зороастрийское жречество во главе с мобедом Кердиром²¹. Близкую позицию за-

¹⁷ Луконин предполагает, что старшим был Варахран (Lukonin 1969, 105; см. также Shahbazi 1988), однако твердых оснований для такой гипотезы не существует. Впрочем, нет никаких прямых указаний и на то, что старшим из братьев был Нарсе (такое предположение высказывает Т. Дарьяи: Daryaei 2009, 10).

¹⁸ Weber 2007, 390–395; 2012, 157–160. Исходя из концепции Вебер, старшим из двух братьев являлся Варахран. По мнению Дарьяи, младшим из всех братьев был Ормизд-Ардашир (Daryaei 2017, 85).

¹⁹ Здесь и далее текст NPi цитируется с опорой на перевод В.Г. Лукониной (Lukonin 1979, 65–67; 1987, 163–169) с уточнениями на основе изданий этого источника Э. Герцфельдом (Herzfeld 1924) и П. Скъерво (Humbach, Skjærvø 1983).

²⁰ Lukonin 1969, 119. Следует, однако, отметить, что такое прочтение небесспорно, поскольку NPi имеет значительные повреждения, в том числе и в тех строках, в которых, возможно, содержится указание на желание Шапура I сделать Нарсе своим преемником. Так, например, Э. Герцфельд (Herzfeld 1924, 111) и П. Скъерво (Humbach, Skjærvø 1983, 38–39) трактуют данный пассаж несколько иначе. В то же время версия Лукониной очень хорошо согласуется с рассмотренной выше теорией Вебер о содержащемся в ŠKZ своеобразном «политическом завещании» Шапура I, а потому очень заманчивым кажется предположение о том, что Шапур действительно хотел видеть на иранском престоле именно его, Нарсе, как последний и утверждает в своей надписи в Пайкули. В связи с этим царские амбиции Нарсе могли иметь более чем обо-
снанный характер.

²¹ Lukonin 1969, 104–105.

Рис. 1. Инвеститура Варахрана I (справа), принимающего символ царской власти от Ормазда (слева). Рельеф в Бишапуре. *WikiCommons*

нимает У. Вебер, по мнению которой решающую роль в возведении Варахрана I на трон сыграли светская аристократия и зороастрийское жречество²². О мотивах поддержки придворными кругами Варахрана I, а не Нарсе, мы можем только догадываться, однако, как справедливо предположил Луконин²³, ближайшие события (возвышение Кердира и небывалое усиление влияния зороастрийской церкви) позволяют уверенно говорить о том, что главным союзником Варахрана являлось зороастрийское жречество, ставка которого на Варахрана была продиктована влиянием Кердира на будущего царя и, следовательно, широкими перспективами, открывавшимися перед зороастрийским духовенством и лично Кердиром в случае вступления на трон именно Варахрана, а не Нарсе. Судя по всему, определенную роль сыграл и временной фактор: скорее всего вопрос о передаче престола Варахрану был решен раньше, чем Нарсе узнал о смерти Ормизда-Ардашира, и как-то повлиять на ситуацию «царь Армении» просто не успел.

При этом, возможно, не обошлось без трений²⁴, поскольку Нарсе явно ощущал себя обойденным. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что спустя 20 лет на инвеститурном рельефе Варахрана I в Бишапуре (рис. 1) Нарсе, став царем, прикажет высечь надпись, из которой будет следовать, что здесь изображен вовсе

²² Weber, Wiesehöfer 2010, 98.

²³ Lukonin 1969, 101–105.

²⁴ Weber 2012, 170.

не Варахран I, а «поклоняющийся Ормазду... царь царей Ирана и не-Ирана, происходящий от богов, сын поклоняющегося Ормазду владыки Шапура, царя царей Ирана и не-Ирана, происходящего от богов, внук владыки Ардашира, царя царей» (пер. В.Г. Луконина²⁵) Нарсе! Тогда же рельеф был дополнен изображением тела свергнутого Нарсе Варахрана III, внука Варахрана I, попираемого копытами лошади царя-победителя. Очевидно, таким образом Нарсе пытался отомстить если не самому своему брату, то хотя бы его памяти, а также продемонстрировать подданным, кто на самом деле является законным правителем Ирана. Но в 273 г. Нарсе был вынужден смириться.

В качестве платы за лояльность²⁶ Варахран I предоставил Нарсе считавшееся более статусным по сравнению с далеким Сакастаном наместничество — Армению. Помимо того, что эта страна находилась гораздо ближе к центрам политической и экономической жизни сасанидского Ирана — Месопотамии и Парсу, она была одним из основных опорных пунктов Сасанидов в их завоеваниях на западе, и, соответственно, здесь размещались крупные воинские контингенты. Как отмечал Луконин, «управление этой областью... означало практически руководство военными действиями всей сасанидской армии, и в политическом отношении этот пост был наиболее важным»²⁷. Нельзя забывать и о том, что именно здесь правил Ормизд-Ардашир до того, как стал шаханшахом, и это могло в какой-то степени утолить царские амбиции Нарсе, открывая для него перспективу (правда, пока только гипотетическую) стать преемником Варахрана I. В любом случае утешительный приз в виде армянской короны был весьма ценным приобретением, и сам Нарсе, кажется, вполне это понимал, поскольку в своей знаменитой надписи в Пайкули, составленной позже, уже в бытность шаханшахом, он с явной гордостью скажет: «Я был царем Армении и Армении хранил» (NPi. 3)²⁸.

При этом не совсем ясно, какой именно титул носил Нарсе в бытность наместником Армении. С одной стороны, его предшественник на этом посту Ормизд-Ардашир именовался «великим царем Армении» (ŠKZ. MP. 23: *wazurg šāh Arminān*), и это дает некоторое основание предполагать, что Нарсе мог быть удостоен такого же титула²⁹. Однако сам Нарсе в процитированном выше фрагменте надписи из Пайкули называет себя просто «царем Армении» (NPi. 3: *šāh Arminān*), и мы не можем не доверять этой информации. Очевидно, при назначении Нарсе управляющим армянскими землями Варахран I все же постарался несколько умерить властные амбиции своего брата и даровал ему титул царя Армении в урезанном по сравнению с Ормиздом-Ардаширом виде³⁰.

Варахран I правил всего три года и скончался в 276 г. Престол перешел к его сыну Варахрану II (276–293 гг.). Нарсе, старший из потомков Шапура I, вновь

²⁵ Lukonin 1987, 174; Herzfeld 1924, 120.

²⁶ Weber 2012, 172–173, 182.

²⁷ Lukonin 1969, 100.

²⁸ Lukonin 1987, 163. М. Ольбрыхт полагает, что после перемещения Нарсе в Армению его преемником на посту наместника Сакастана стал будущий Варахран III (Olbrycht 2016, 29), однако это не очень согласуется с данными источников.

²⁹ Так считает, например, Луконин (Lukonin 1969, 108).

³⁰ Weber 2012, 172–173, 265–266.

остался ни с чем. И если при воцарении Варахрана I ситуация еще могла быть спорной (как мы помним, точно не ясно, кто из братьев имел больше прав на трон), а потому в каком-то смысле терпимой для Нарсе, к тому же получившего стратегически и политически важное армянское наместничество, то на этот раз все очень походило — по крайней мере с точки зрения Нарсе, — на узурпацию. Объяснением происходившим событиям, вероятно, является тот факт, что на раннем этапе в сасанидском Иране существовал традиционный для многих патриархальных обществ порядок передачи имущества (и властных полномочий, которые рассматривались как частный вид родового имущества) по наследству — оно должно было переходить к старшему в роде³¹, т.е., как правило, к брату умершего. Однако по мере централизации государственной власти и ее локализации в пределах конкретной ветви правящего рода в Иране (как, опять же, и во многих других государствах эпох древности и средневековья) у правителей (в данном случае у Варахрана I) возникает стремление передавать свой титул в соответствии не с родовым, а более устраивающим их семейным принципом — от отца к сыну. Это мы и видим на примере перехода царского трона от Варахрана I к Варахрану II. В таких условиях столкновение двух систем наследования престола часто перерастает в открытый политический конфликт, принимающий форму междоусобной войны, поскольку каждая из сторон имеет все основания к тому, чтобы считать лидера противоположающейся партии узурпатором³². Судя по всему, именно такая ситуация возникла после смерти Варахрана I, когда Нарсе как старший в роде не получил того, что считал по праву принадлежащим ему — короны шаханшаха³³. Скорее всего возмущение Нарсе не вылилось в открытый мятеж лишь потому, что придворная группировка очень быстро — раньше, чем весть о смерти Варахрана I достигла Армении, — предприняла необходимые меры и возвела на трон Варахрана II. Когда же Нарсе узнал о произошедшем, предпринимать что-либо было уже поздно.

Вероятно, В.Г. Луконин был прав, полагая, что одним из главных участников этих событий вновь стал Кердир³⁴. Действительно, набиравший силу мобед был кровно заинтересован в сохранении своего положения, для чего ему был необходим свой человек на персидском престоле, которым, как покажут дальнейшие события, и явился Варахран II (вполне вероятно, выросший и воспитанный под влиянием самого Кердира). Нарсе на такую роль явно не подходил.

Таким образом, в 276 г. шаханшахом стал Варахран II (276—293 гг.), а Нарсе пришлось довольствоваться сохранением за ним прежнего титула «царя Армении». Однако есть все основания считать, что на сей раз Нарсе не смог сдержать своих эмоций, и его политические амбиции проявились уже открыто. Речь идет о выпуске Нарсе серии золотых монет, на которых его изображение сопровождалось атрибутами царской власти. Луконин довольно точно охарактеризовал данный шаг Нарсе

³¹ Lukonin 1969, 104.

³² Lukonin 1969, 104.

³³ См. также Weber 2009, 565.

³⁴ Lukonin 1969, 107—113.

как «прямой вызов» Варахрану II³⁵. Впрочем, дальше этой демонстрации своего отношения к происходящему умудренный опытом Нарсе не пошел.

Из ряда других источников мы знаем о том, что в годы правления Варахрана II Иран столкнулся с серьезными как внутри-, так и внешнеполитическими вызовами. Главной внутренней проблемой было то, что родственники шаханшаха, недовольные его воцарением, начали переходить к активным действиям. Первым Сасанидом, открыто выступившим против Варахрана II, стал правитель Месены, один из сыновей упоминавшегося выше безвременно умершего мешаншаха Шапура, приходившийся самому Варахрану двоюродным, а его супруге Шапурдхук — родным братом, имя которого нам неизвестно. Скорее всего причины этого мятежа носили династический характер и заключались в стремлении наместника Месены захватить трон с помощью военной силы³⁶. Деталей этих событий мы не знаем, но известен их итог: восстание в Месене было подавлено, а его инициатор казнен и заменен Адурфарнбагом, шурином Варахрана II³⁷, который в качестве царя Месены упоминается в составленной десятию годами позднее надписи Нарсе в Пайкули (NPi. 34, 37³⁸).

Незадолго до своей смерти Варахран II был вынужден подавлять еще одно восстание, на этот раз — в Сакастане. Характерно, что об этих событиях мы узнаем не из персидских, а из римских источников. В панегирике, адресованном императору Максимиану (285—305 гг.) и произнесенном 21 июля 291 г., его автор Мамертин³⁹ сообщает, что «на самих персов и их знаменитого царя нападает царский брат Ормиез (Ормизд. — В.Д.), не считаясь ни с уважением, которое положено царю, ни с любовью, которую следует питать к брату» (*Pan. Lat.* III. 17). Судя по всему, восстание саканшаха Ормизда, действительно приходившегося Варахрану II братом, хотя и двоюродным, произошло во второй половине 280 — начале 290-х годов, но не позднее 291 г., когда был написан данный панегирик. Ормизд был родным братом казненного в 283 г. лидера мятежа в Месене, в связи с чем события в Сакастане могли стать следствием в том числе и стремления саканшаха отомстить Варахрану за гибель близкого родственника. Если верить Мамертину, Ормизд действовал «при помощи саков, руфиев (кушанов⁴⁰. — В.Д.) и гелов», т.е. под его знаменами сосредоточилась внушительная армия, состоявшая из контингентов собственно Сакастана, а также Кушаншахра (вассального княжества, созданного на завоеванных Сасанидами (а именно Шапуrom I) сопредельных территориях Ирана и Средней Азии, ранее входивших в состав Кушанского царства)

³⁵ Lukonin 1969, 117, 180. Впрочем, нельзя исключать, что право чеканить монету было предоставлено Нарсе самим Варахраном II в качестве уступки и своеобразной платы за сохранение лояльности новому царю.

³⁶ См. Weber 2009, 566.

³⁷ Lukonin 1979, 13—14.

³⁸ Здесь и далее нумерация параграфов NPi дана по изданию Г. Гумбаха и П. Сьерво (Humbach, Skjærvø 1983).

³⁹ PLRE I, 539—540.

⁴⁰ Marquart 1901, 36, Anm. 2.

и, вероятно, Гиляна⁴¹. Вполне возможно, что правителем Кушаншахра (кушаншахом), поддержавшим Ормизда, являлся кушаншах Ардашир⁴². Каких-либо деталей, связанных с этим восстанием, источники не содержат, но общая картина ясна: восстание было подавлено, Ормизд казнен, а на его место назначен сын Варахрана II, юный царевич, носивший то же имя, что и отец, т.е. будущий Варахран III (Agath. IV. 24)⁴³. О судьбе Ардашира (если он действительно был одним из лидеров восставших) нам ничего неизвестно⁴⁴, однако от его владений Варахраном II была отторгнута их западная часть вместе с Мервом⁴⁵.

На столь насыщенном событийном фоне не может не броситься в глаза отсутствие каких-либо указаний в источниках на участие во враждебных по отношению Варахрану II действиях Нарсе. Кто-кто, а уж он-то точно был заинтересован в дестабилизации политической ситуации в стране и ослаблении позиций Варахрана II. В связи с этим можно предположить, что Нарсе либо действительно не был причастен к восстаниям в Месене и Сакастане, занимая позицию вооруженного нейтралитета и выжидая удобного момента, чтобы не рисковать и действовать наверняка, либо тайно поддерживал эти мятежи, тем самым расшатывая трон под Варахраном II и готовя себе почву для захвата царской власти. Однако зная о давнем стремлении Нарсе к короне и учитывая его возраст и опыт (он был самым старшим из всех живых на тот момент времени прямых потомков Сасана), можно с высокой степенью вероятности предположить, что Нарсе каким-то образом все же был связан с событиями в Месене и Сакастане, хотя определить его роль в них мы скорее всего никогда не сможем.

На неурядицы внутри Сасанидской державы наложились серьезные внешнеполитические проблемы. После десятилетнего затишья снова обострилась ситуация

⁴¹ В существующей историографии упоминание Мамертина о гелах трактуется как указание на участие в восстании Ормизда выходцев из Гиляна — области в юго-западном Прикаспии (см., например, Lukonin 1969, 112, прим. 16; Frye 1983, 128; Daryaei 2009, 11). Однако если принять во внимание, что Ормизд являлся «царем саков», а из поддержавших его областей как минимум две (Сакастан и Кушаншахр) располагались в Восточном Иране, то в гелах Мамертина логичнее было бы видеть не гилянцев, а какой-то восточноиранский народ. Учитывая при этом отождествление Плинием Старшим гелов с кадусиями (Plin. *NH*. VI. 48: *Gaeli, quos Graeci Cadusios appellavere*) и тот факт, что в области под названием Кадииштан (арм. Катешан) близ Герата в рассматриваемую эпоху проживал народ с созвучным названием — кадиши (арм. катыши) (Ioh. Antioch. Fr. 214), можно предположить, что Мамертин перепутал неизвестных ему кадишей с хорошо знакомыми по сочинениям античных географов кадусиями (гелами), и тогда речь в данном случае следует вести не о прикаспийских кадусиях (гелах), а о восточноиранских кадишах (см. Marquart 1901, 77–78, 89, 125).

⁴² Carter 1985, 225–227. Мнение о том, что лидер восстания саканшах Ормизд временно носил титул кушаншаха (см., например, Bivar 1983, 209–210), справедливо ставится под сомнение (La Vaissière 2016; Schindel 2012, 73).

⁴³ Возможно, подавлением восстания саканшаха Ормизда руководил хазаруфт Варахрана II Ардашир (Lukonin 1979, 61). С этим может быть связано и появление этого Ардашира на рельефах рядом с царицей цариц Шапурдуктак.

⁴⁴ Carter 1985, 227.

⁴⁵ Carter 1990, 13.

на западных границах Ирана. В начале 280-х годов вновь обратила свой взор на восток Римская империя, постепенно преодолевавшая последствия кризиса III в. Признаки оживления внешней политики Рима на восточном направлении можно отнести к периоду правления императора Проба (276–282 гг.). В его биографии, входящей в *SHA*, содержится сообщение о контактах между императором и Нарсе, который назван здесь «царем»: «Парфяне отправили к нему послов, признаваясь тем самым в том, что боятся его, и просили о мире. Он принял их с высокомерием и отослал домой еще более напуганными. Говорят, что, отвергнув присланные царем дары, он написал Нарсе такое письмо: “Я удивляюсь, что из всего того, что будет нашим, ты прислал так мало. Владей пока всем, что доставляет тебе отраду. Если мы захотим иметь все это, то мы знаем, каким образом мы должны завладеть этим”. Получив такое письмо, Нарсе очень испугался» (*SHA*. XXVIII. 17. 4–6; пер. С.П. Кондратьева с изменениями).

Обычно этот сюжет либо рассматривается как очередная выдумка авторов *Historia Augusta*⁴⁶, либо по крайней мере ставится под серьезное сомнение⁴⁷. Действительно, в годы правления Проба царем Ирана был не Нарсе, а Варахран II, к тому же ни один другой источник о дипломатических контактах между римлянами и персами, которые имели бы место в данное время, не сообщает. Однако не стоит забывать, что Нарсе действительно носил титул царя (пусть не Ирана, а Армении), в связи с чем ситуация, описанная в приведенном отрывке, могла иметь под собой вполне реальную основу. В этой связи заслуживает внимания трактовка данного сюжета Ю.Б. Циркиным, который полагает, что посольство и дары, направленные Пробу, могут свидетельствовать о стремлении Нарсе заручиться поддержкой императора в возможном столкновении с Варахраном II⁴⁸.

В 293 г. Варахран II умер. Преемником скончавшегося царя стал его совсем еще юный сын, «царь саков» («саканшах») Варахран III (293). Очевидно, что в сложившейся ситуации без поддержки со стороны он не мог ни занять престол, ни удержаться на нем. В этот момент решающую роль в судьбе и Варахрана III, и Ирана в целом попытался сыграть один из высокопоставленных придворных, престарелый фраматар Вахнам, чье имя встречается еще в *ŠKZ*⁴⁹. Как сообщается в *NPi*, Вахнам из-за «своей лживости и [ведомый] Ахриманом и дэвами, повязал диадему [Варахрану, царю саков, и об этом событии] ни мне, ни [харгбеду и] царевичам не сообщил об этом... Ни у вельмож и азадов, ни у персов и парфян он не спросил... о том, что он с самого начала желал [Варахрану], царю саков, повязать на голову диадему... И тех, кто был не согласен [с этим, шахрдаров и царевичей], знать и азадов — он убил их и их дома разорил... и захватил их земли» (*NPi*. 4–7)⁵⁰. Таким образом, Вахнам решил действовать на опережение и, не

⁴⁶ См., например, *PLRE I*, 616.

⁴⁷ Weber 2009, 559–560, n. 59.

⁴⁸ Tsirkin 2015, 332.

⁴⁹ Впрочем, учитывая значительную (более 30 лет) разницу во времени между созданием *ŠKZ* и смертью Варахрана II, нельзя исключать, что в данных событиях участвовал потомок (сын?) фраматара Вахнама, упомянутого в *ŠKZ*, носивший то же имя и занимавший ту же должность.

⁵⁰ Lukonin 1987, 163.

дожидаясь, пока конкуренты (главным из которых, но, как покажут дальнейшие события, не единственным, был, конечно же, Нарсе) мобилизуются и попытаются взять инициативу в свои руки, возвел на престол Варахрана III, одновременно стремясь в зародыше подавить сопротивление своих врагов. Тем самым Вахнам совершил роковую ошибку: предпринятые им репрессивные меры вызвали сильнейшее недовольство значительной части сасанидской элиты, опасавшейся к тому же, что фрамадар, став регентом при молодом шаханшахе (т.е., по сути, первым лицом государства), сосредоточит в своих руках чрезмерную власть. В результате иранская знать стала переходить на сторону другого претендента на корону — Нарсе⁵¹, имевшего в глазах аристократии ничуть не меньше прав на престол, чем Варахран III⁵².

Таким образом, уже в самом начале конфликта на сторону Нарсе перешла значительная часть иранской знати; это были «харгбед»⁵³ Шапур, и царевич Нарсе, сын Сасана, и бидахш Папак, хазарбед Ардашир, Рахш Спахбед⁵⁴, Ардашир Сурен, Ормизд Вараз, и владетель Андегана Варахрандад (?), и другие царевичи и вельможи, главы общин и азады, персы и парфяне, которые были величайшими, лучшими» (NPI. 16)⁵⁵.

Как только Вахнам осознал опасность своего положения, он тут же обратился за поддержкой к мешаншаху Адурфарнбагу, дяде Варахрана III, обещая ему (под предлогом малолетства царя) даже трон⁵⁶ и, видимо, надеясь на то, что тот, став в свое время царем Месены по воле Варахрана II, сохранит верность и сыну последнего. Расчет Вахнама оправдался, и Адурфарнбаг выступил против Нарсе.

Дальнейшие события не поддаются какой-либо детальной реконструкции из-за многочисленных лакун в тексте NPI. Ясно лишь, что Нарсе шел к столице с севера, из Армении. На территории Асуристана (области, в которой находился столичный округ) Вахнам и Адурфарнбаг со своими «лошадьми и людьми» пытались

⁵¹ Подробнее о мотивах перехода иранской знати на сторону Нарсе см. Weber 2010a, 368–369.

⁵² Очевидно, что определенную роль в симпатиях иранской знати по отношению к Нарсе мог сыграть и его опыт двадцатилетнего управления двумя стратегически важными регионами сасанидского Ирана — Сакастаном и Арменией (Weber 2012, 191).

⁵³ Должность харгбеда отсутствует в надписи Шапура I на Каабе Зороастра, и здесь мы видим ее первое упоминание в среднеперсидских источниках. В сасанидском Иране харгбед отвечал за сбор податей (см. Khurshudyan 2015, 151–163).

⁵⁴ Здесь (как и в случае с надписью Шапура I на Каабе Зороастра) мы следуем Э.Ш. Хуршудяну, который считает, что в данном случае слово «спакбед» означает не высокопоставленного военного руководителя, а родовое имя (см. Khurshudyan 2015, 153, 200–201). См., однако, Gyselen 2008, 107–113.

⁵⁵ Lukonin 1987, 163.

⁵⁶ Теоретически Адурфарнбаг имел не меньший, чем Варахран III, шанс стать шаханшахом, поскольку из прямых потомков Шапура I (и, следовательно, потенциальных претендентов на корону) на тот момент в живых было трое: Варахран III (правнук Шапура), Адурфарнбаг (внук Шапура) и Нарсе (сын Шапура). Поэтому предложение Вахнама выглядело вполне уместным со всех точек зрения. Другое дело, что по праву старшинства первоочередным претендентом на престол являлся Нарсе. Впрочем, при обращении к Адурфарнбагу за помощью и обещая ему трон, Вахнам мог иметь в виду лишь регентство в период малолетства Варахрана III (см. Lukonin 1979, 68).

организовать сопротивление, но у них ничего не вышло. В результате оба они были вынуждены сдаться. Как сообщает сам Нарсе, Вахнам «был привязан веревкой к ослу и в город Варахран-Шапур ко двору моему привезен» (NPI. 59)⁵⁷. Узнав о произошедшем, Варахран III отказался от престола и сдался на милость победителя; его правление продлилось всего четыре месяца (Agath. IV. 24. 6–8). Новым наместником Сакастана, назначенным сюда вместо Варахрана III, стал, вероятно, сын и будущий преемник Нарсе Ормизд⁵⁸. Вскоре все трое (Адурфарнбаг, Вахнам и Варахран III) были казнены. Таким образом, война закончилась полной победой Нарсе, после двадцатилетнего ожидания вступившего, наконец, на персидский престол.

Следует отметить, что в надписи из Пайкули среди многочисленных иностранных (т.е. присланных главами государств, относящихся к «не-Ирану») делегаций, прибывших в Ктесифон с целью вручения Нарсе «даров и грамот» (NPI. 94), упоминаются — причем на первом месте — «кесарь и ромеи», прибывшие ко двору царя «ради почтения и мира» (NPI. 91–92). Римским императором в это время был Диоклетиан (284–305 гг.), и, стало быть, под «кесарем» Нарсе подразумевал скорее всего именно его. Однако римские источники такого рода данных не содержат, а потому нельзя сказать точно, что скрывается за данным сообщением NPI — подлинный факт или желание Нарсе придать себе дополнительный политический вес.

Интересно, что в перечне посетивших Нарсе делегаций сразу вслед за римлянами идут представители кушаншаха («царя кушан»; NPI. 92). Это — самое раннее прямое упоминание в источниках о титуле правителя Кушаншахра. То, что в NPI кушаншах включен в число глав «неиранских» государств, свидетельствует о приобретении Кушаншахром к 293 г. практически полной независимости от Сасанидов⁵⁹. Возможно, это явилось результатом своего рода сделки между Нарсе и кушаншахом, добившимся самостоятельности Кушаншахра в обмен на поддержку Нарсе в его борьбе за трон.

Нельзя не отметить еще одну важную деталь: среди правителей, почтивших Нарсе отправкой ему «даров и грамот», упоминается некий «царь Тиридат» (NPI. 92), в котором следует видеть армянского царя из династии Аршакидов Тиридата (арм. Трдат) III⁶⁰. Это означает, что практически одновременно с воцарением в Иране Нарсе, до того являвшегося наместником Армении, на армянский престол вступил Тиридат. Согласно же армянским источникам Тиридат стал царем еще раньше — на третьем году правления Диоклетиана⁶¹, т.е. скорее всего в 287 г. Из сказанного вытекает, что с 287 и, как минимум, до 293 г. в Армении одновременно правили два царя — Тиридат и Нарсе. Противоречие может быть снято, если допустить, что до 293 г. Тиридат являлся армянским царем лишь номинально, будучи признаваем только римским императором, или же, что вероятнее всего, управлял какой-то небольшой, скорее всего западной, сопредельной

⁵⁷ Lukonin 1987, 166.

⁵⁸ Lukonin 1979, 13–14.

⁵⁹ См. Carter 1985, 253; Nikitin 1999, 260; La Vaissière 2016.

⁶⁰ См., однако, Toumanoff 1969b, 261–275.

⁶¹ *История Армении Моисея Хоренского*. Пер. с арм. Н. Эмина. М., 1858. С. 148 (далее — Моисей Хоренский).

с Римом, частью Армении (Софеной?). То, что в NPi Тиридат упомянут как царь, свидетельствует о признании его титула и Сасанидами. Вероятно, все это стало результатом поддержки Тиридатом Нарсе в конфликте последнего с Варахраном III⁶². Однако вряд ли будет правомерно говорить о том, что с 293 г. Тиридат управлял всей Великой Арменией; как покажут дальнейшие события, распространение власти Тиридата III на всю территорию Армянского государства следует датировать временем не ранее 298 г. Присутствие же послов Тиридата при дворе Нарсе в 293 г. объясняется, по всей видимости, стремлением недавно вступившего на престол армянского царя выстроить с новым шаханшахом добрососедские (по крайней мере внешне) отношения во избежание с его стороны каких-либо враждебных шагов⁶³. Впрочем, если Тиридату и удалось усыпить бдительность персидского царя, то совсем ненадолго.

Наконец, обратим внимание еще на одну деталь, связанную с приходом Нарсе к власти. Согласно NPi решение о вступлении на трон было принято им не единолично, что походило бы на государственный переворот, особенно в сочетании с казнью смещенного Нарсе Варахрана III, а с одобрения представителей иранской знати, съехавшихся в ставку Нарсе по приглашению последнего⁶⁴. Надпись поименно перечисляет довольно многочисленную группу носителей высших придворных титулов, прибывших к Нарсе (с некоторыми из них мы уже встречались в предыдущем отрывке (NPi. 16), где речь шла о тех, кто сразу перешел на сторону Нарсе): «Шапур, харгбед, и Пероз, царевич, и Нарсе, царевич, сын Сасана, и Папак, бидахш, и Ардашир, хазарбед, и Ардашир Сурен, и Ормизд, [владелец Андегана], и Кердир, мобед Ормазда, и... [...]нарсе Карен, <...> Рахш Спахбед, и Ардашир Тамшапур, шахраб⁶⁵, и... главный казначей страны, и Джуйгирд, виночерпий», а также собирательно — «царевичи, вельможи, азады, главы общин, шахрабы, <...> и другие люди, персы и парфяне» (NPi. 32)⁶⁶.

⁶² Potter 2004, 292.

⁶³ К.Л. Туманов предлагает другой, более сложный и, на наш взгляд, содержащий слишком много натяжек, вариант решения вопроса о хронологии событий, связанных с правлением Тиридата III и персидско-армянскими отношениями на рубеже 280–290-х годов (см. Toumanoff 1969b, 233–281).

⁶⁴ Впервые особое внимание на роль созданного Нарсе в 293 г. совета иранской знати как важного органа легитимации власти нового шаханшаха обратили У. Вебер и Й. Визехефер (Weber, Wiesehöfer 2010).

⁶⁵ Луконин трактует «Тамшапур» как название города, наместником (шахрабом) которого был упоминаемый здесь Ардашир (см. Lukonin 1979, 66; 1987, 165). Однако в сасанидском Иране хорошо засвидетельствованы и антропонимический формант «тахм» (*tahm, tam*, букв. «сильный», «мощный»), входящий в различные мужские личные имена, и непосредственно антропоним «Тамшапур» (*Tamšāpūr*; см. Justi 1895, 318–321), а потому в данном случае речь скорее всего идет все же не о городе, а о шахрабе по имени Ардашир-Тамшапур; так же (или почти так же) это место трактуют Герцфельд и Скерво.

⁶⁶ Lukonin 1979, 66. Тот факт, что приход Нарсе к власти состоялся при поддержке «знати и главных лиц государства», отмечают Табари (Tabarī, 48) и вслед за ним Саалиби (*Histoire des rois des Perses par Abou Mansour Abd al-Malik ibn Mohammad ibn Isma'il al-Tha'libi*. Texte arabe publié et traduit par H. Zotenberg. Paris, 1900. P. 508–509 (далее — Tha'libi)). Вообще средневековые мусульманские авторы крайне лаконично

Несколько удивляет появление в этом списке Кердира (к тому же сохранившего за собой полученный им еще при Ормизде-Ардашире высокий титул «мобед Ормазда»), значительную часть своей жизни являвшегося ярким сторонником двух первых Варахранов и сделавшего при них головокружительную карьеру⁶⁷. Вероятно, в сложившейся ситуации Кердир (которому в это время было уже порядка 70 лет⁶⁸) понял, что при Вахнаме он останется не у дел, и попытался сохранить если не свое положение, то хотя бы свою жизнь⁶⁹. В любом случае политическое чутье его не подвело, и он сделал верный выбор, встав на сторону будущего победителя.

Представляется, что съезд иранской знати, санкционировавший переход власти к Нарсе, имел противоречивые последствия. С одной стороны, поддержка нового царя иранскими «пэрами» придавала власти Нарсе легитимность, превращая его из фактического узурпатора в законного правителя «Ирана и не-Ирана» и тем самым способствуя политической стабильности, действительно сохранявшейся на протяжении всего правления Нарсе. С другой стороны, столь явная апелляция к мнению аристократии при вступлении Нарсе на трон естественным образом разжигала амбиции знатных родов Ирана и автоматически повышала их роль в системе государственного управления и политической жизни страны в целом, что, в свою очередь, означало ощутимое ограничение власти шаханшаха и сохранение за персидской знатью тех вольностей, которыми она к тому времени пользовалась на протяжении двух десятков лет, начиная со смерти Шапура I, причем далеко не всегда во благо государства. Собственно говоря, высокая степень независимости персидской светской и, особенно, духовной аристократии от центральной власти, ее неподконтрольность преемникам Шапура I, многие из которых правили в значительной степени номинально, и была одной из причин того политического кризиса, которым сасанидский Иран был охвачен на рубеже III–IV вв.

Как бы там ни было, Нарсе добился своего и вступил на трон, однако ему досталось тяжелое наследство. Положение осложнялось тем, что к концу III в. Римская империя, главный противник сасанидского Ирана на западе, преодолела кризис, терзавший ее почти столетие. К власти здесь, как уже говорилось выше, пришел император Диоклетиан, одной из главных задач которого было восстановление римского влияния на международной арене, а это, в свою очередь, означало неизбежное обострение борьбы между двумя державами.

Информацию о ближайших событиях в отношениях между Римом и Ираном содержат только западные источники. В частных деталях они зачастую несколько

описывают правление Нарсе, уделяя ему, как правило, лишь несколько строк (кроме Табари и Саалиби см., например, Hamza, 37; Maçoudi, 174; *Chronique de Abou-Djafar-Mo'hammed-Ben-Djarir-Ben-Yezid Tabari, traduite sur la version persane D'abou-'Ali Mo'hammed Bel'ami*. D'après les manuscrits de Paris, de Gotha, de Londres et de Canterbury, par H. Zotenberg. T. 2. Paris, 1869. P. 90).

⁶⁷ Подробнее см. Lukonin 1966; Skjærvø 2011.

⁶⁸ Lukonin 1979, 64.

⁶⁹ Предположения Вебер о том, что переход Кердира в лагерь Нарсе был обусловлен нелегитимностью процедуры интронизации Варахрана III либо «неортодоксальностью» сторонников последнего (в частности, Вахнама), имеют сугубо умозрительный характер (Weber 2012, 185).

противоречат друг другу, однако общая картина может быть восстановлена с высокой степенью точности. Формально виновником новой римско-персидской войны стал Нарсе, поскольку первым нарушил мир именно он. Однако очень похоже на то, что вторжение персов в римские владения было спровоцировано самими римлянами, явно стремившимися к восстановлению своего влияния в Передней Азии и создававшими на границах Сасанидской державы потенциальный плацдарм в виде Армянского царства, которым правил ставленник Рима Тиридат III. На это косвенно указывают и армянские историки. Так, современник событий Агафангел пишет, что император⁷⁰ «премного возвеличил Тиридата, одарил его великими милостями, возложил на его голову корону и почтил багряными хламидами. И отдал ему... большое вспомогательное войско и отправил в его собственную страну Армению... Вступив на Армянскую землю, царь нашел здесь большое персидское войско, которое захватило, подчинило себе страну. Многих он истребил, и многих, обратив в бегство, отбросил в Персию. И он овладел принадлежавшим ему по наследству царством и укрепился на его границах»⁷¹, а по словам Псевдо-Павстоса, армянский царь незадолго до вторжения персов «возлагал надежды на императора и на его войска и намеревался отнять персидское царство у рода Сасана, говоря, что “это государство принадлежало нам и нашим отцам”»⁷². Таким образом, активность римлян в Армении, которую персы уже четыре десятилетия считали своей сферой влияния, и ярко выраженная проримская ориентация Тиридата III, действительно, могли стать решающим фактором в инициировании Нарсе очередного конфликта с Римом⁷³.

В свете вышесказанного вполне закономерным является тот факт, что первый удар персов, нанесенный ими в 296 г., обрушился именно на Армению, о чем сообщает Аммиан Марцеллин (XXIII. 5. 11), отмечающий при этом, что Армения «находилась в зависимости от Рима»⁷⁴. Слова Аммиана дополняют Псевдо-Пав-

⁷⁰ Этот император у Агафангела ошибочно назван Лицинием, императором в 308–324 гг.

⁷¹ Агатангелос. *История Армении*. Пер. с древнеарм. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатыан. Ереван, 2004. С. 34–35.

⁷² *История Армении Фавстоса Бузанда*. Пер. с древнеарм. М.А. Геворгиян. Ереван, 1953. С. 41 (далее – Бузандаран). Автор «Бузандарана» (на сегодняшний день условно обозначаемый в литературе как Псевдо-Павстос) относит эти события к правлению царя Тирана (338–350 гг.), что применительно к событиям конца III в. является анахронизмом, и речь в данном случае, несомненно, идет о Тиридате III.

⁷³ В этой связи характеристика Визехефером политики Нарсе в отношении Рима как направленной на «срыв римского плана вторжения в Месопотамию и Армению и защиту контролируемых Сасанидами территорий», а потому имевшей оборонительный характер (Wiesehöfer 2007, 165), представляется совершенно верной.

⁷⁴ Вебер ставит под сомнение сообщение Аммиана Марцеллина и то, что начало войне было положено вторжением Нарсе на территорию Армении, и выдвигает гипотезу, согласно которой Нарсе не мог начать войну ударом по Армении, поскольку последняя «находилась под властью Сасанидов с момента ее завоевания Шапуром I в 252/253 г. до вступления Нарсе на трон в 293 г., а возможно, и до римско-персидского мирного договора 298 г.» (Weber 2012, 219–223). Ее аргументы кажутся недостаточно убедительными, особенно в свете недавних открытий, сделанных при изучении надписи Нарсе в Пайкули (см. Cereti, Terribili 2014, 357–358). Из них следует, что хотя Нарсе

стос (Бузандаран. 45–46), а также Феофан (А.М. 5793) и Зонара (XII. 31), по словам которых нападению Нарсе, помимо Армении, подверглась и Сирия, куда, вероятно, отступил преследуемый персами Тиридат.

Для борьбы с персидским вторжением на восток был направлен соправитель Диоклетиана цезарь Галерий. Как указывают некоторые авторы, армии Галерия и Нарсе встретились где-то между Каллиником (Никефорием) (совр. г. Ракка в Сирии) и Каррами (совр. г. Харран в Турции) (Eutrop. IX. 24; Oros. VII. 25. 4⁷⁵; Theoph. А.М. 5793). В произошедшем здесь (вероятно, летом 297 г.) сражении персы одержали победу, причем настолько решительную, что Галерий был вынужден спастись бегством. Источники объясняют поражение римлян значительным численным превосходством противника и неосторожностью цезаря (Eutrop. IX. 24; Fest. 25).

Диоклетиан очень холодно встретил Галерия, который, по словам римских историков, был вынужден в своих пурпурных одеяниях на виду у всех пройти (согласно некоторым источникам — пробежать) несколько миль пешком, следуя за носилками (или колесницей) императора (Amm. Marc. XIV. 11. 10; Eutrop. IX. 24; Oros. VII. 25. 9; Fest. 25; Theoph. А.М. 5793). Может быть, именно это заставило Галерия с удвоенной энергией взяться за подготовку нового похода против персов. В Мезии и Иллирии он набрал новые легионы, среди воинов которых было много готов (Iord. Get. 110–111), и во главе 25-тысячной (Fest. 25) римской армии, объединившейся с войском Тиридата, в 298 г. вторгся в Армению. Навстречу ему выступил Нарсе.

Армии противников оказались неподалеку друг от друга на территории Малой Армении. Узнав, что войско персов остановилось для длительного привала, Галерий под видом торговца в сопровождении двух воинов (Бузандаран, 45)⁷⁶ лично совершил рекогносцировку в район расположения армии Нарсе, и даже, возможно, сумел проникнуть внутрь вражеского лагеря (Eutrop. IX. 25; Fest. 25; Synes. De reg. 17). Беспрецедентный по своей дерзости и смелости поступок Галерия уже вскоре приобрел широкую известность не только в Империи, но и за ее пределами, в том числе в Иране, и даже послужил сюжетной основой для одного

и называет себя в тексте NPi царем Армении, тем не менее здесь же говорится о каком-то другом царе Армении, к которому, как и к мешаншаху Адурфарнбагу, обратился за помощью стоявший за Варахраном III Вахнам (Cereti, Terribili 2014, 365), причем совершенно очевидно, что этим вторым армянским царем не мог быть главный противник Варахрана III — Нарсе, для борьбы с которым Вахнам и искал союзников. Учитывая, что в надписи упоминается «царь Тирдат», это может означать лишь одно: на момент смерти Варахрана II частью бывшего Армянского царства правил Тиридат III, и этот факт признавал сам Нарсе. В ходе междоусобной войны 293 г. Тиридат отказался перейти на сторону Вахнама и поддержал Нарсе, в связи с чем, как было отмечено выше, его имя фигурирует среди правителей, поспешивших поздравить нового шаханшаха с победой над своими врагами и вступлением на трон (NPi. 92).

⁷⁵ Здесь же Орозий отмечает, что данное сражение было уже третьим по счету в этой войне, однако об исходе первых двух он ничего не сообщает.

⁷⁶ Псевдо-Павстос уточняет, что это были знатные армяне, «мудрые мужи» Аршавир и Андовк.

из эпизодов «Шахнаме», в котором персидский царь Шапур II (309–379 гг.) под видом богатого купца проникает во дворец самого римского императора⁷⁷.

Успешная разведка позволила армии Галерия внезапно атаковать лагерь ничего не подозревавшего, а потому не готового к бою противника. Это роковое для Нарсе и его войска сражение чаще всего ошибочно локализуется близ г. Сатала (совр. г. Садак в Турции), где находился лагерь римлян. На самом же деле битва состоялась в районе расположения не римского, а персидского лагеря, который, по совершенно ясному указанию Псевдо-Павстоса, располагался «в гаваре Басеан, в деревне по названию Осха» (*Бузандаран*, 45), т.е. гораздо восточнее, в районе совр. Эрзурума. Персы потерпели сокрушительное поражение, но, пожалуй, наиболее тяжелым ударом для Нарсе стало то, что в руки победителей попали брошенные им в лагере его же собственные жены⁷⁸, дети и другие родственники; кроме того, римляне взяли в плен много знатных персов и захватили царскую походную казну (*Aur. Vict. De Caes.* XXXIX. 35; *Hieron. Chron. S. A.* 302; *Fest.* 14, 25; *Amm. Marc.* XXII. 4. 8; *Oros.* VII. 25. 11; *Iord. Get.* 110; *Malal. Chron.* XII. 308; *Theoph. A.M.* 5793; *Zonar.* XII. 31). Зонара (XII. 31) также сообщает о ранении Нарсе. В честь одержанной победы Галерий возвел в Фессалониках триумфальную арку⁷⁹.

Нарсе оказался в безвыходном положении: располагая столь ценными заложниками, римляне могли диктовать царю фактически любые условия, и остается лишь удивляться умеренности императора, выдвинувшего более или менее приемлемые для персов требования⁸⁰.

Ход переговоров довольно подробно описан византийским историком VI в. Петром Патрикием. По его словам, после прекращения боевых действий Нарсе направил к Диоклетиану своего «большого любимца» Аффарвана, сумевшего уговорить императора пойти на заключение мирного договора (*Petr. Patr. Fr.* 13). После этого в Персию прибыло посольство под руководством главы императорской канцелярии (*magister memoriae*) Сикория Проба⁸¹. Согласно Петру Патрикию (*Petr. Patr. Fr.* 14) Сикорий озвучил пять условий, на которых римляне были готовы заключить мир: 1) «римлянам владеть на востоке Интилиной с Софеной,

⁷⁷ Фирдоуси. *Шахнаме*. Т. 5. Пер. Ц.Б. Бану-Лахути и В.Г. Берзнева. М., 1984. С. 172–175. Схожие истории о Шапуре II рассказывают также Табари (*Tabarī*, 60) и Динавари (*Bonner* 2014, 354).

⁷⁸ Согласно Саалиби Нарсе проявлял умеренность в отношениях с женским полом и имел только двух жен и двух наложниц (*Tha'ālībī*, 510). Данные Саалиби подтверждаются надписью Шапура I на Каабе Зороастра, где в среднеперсидской версии текста говорится о двух женах Нарсе — Шапурдухтак и Нарседухт (*ŠKZ. MP.* 25–26). Следует также отметить, что в пехлевийском и греческом варианте надписи Нарседухт не упоминается.

⁷⁹ Подробнее см. *Laubscher* 1975.

⁸⁰ В связи с этим Э. Винтер и Б. Дигнас полагают, что договор 298 г. был победой не столько Диоклетиана, сколько Нарсе, поскольку своей главной цели, возвращения плененных римлянами членов своей семьи и других знатных персов, он добился ценой совсем небольших уступок Риму, а римский император, кроме того, фактически признал шаханшаха равным себе по статусу правителем (*Winter, Dignas* 2001, 154–155).

⁸¹ *PLRE* I, 740.

Арзаненой вместе с кардуэнами и Забдикеной»; 2) «реке Тигр быть границей обоих государств»; 3) «замку Зинфе, лежащему на границе Мидии, быть пределом Армении»; 4) «царю ивирийскому получать знаки своей верховной власти от римлян»; 5) «месту для торговли быть Нисивии, городу, лежащему на Тигре» (пер. С. Дестуниса с изменениями).

Под давлением обстоятельств Нарсе ничего не оставалось, кроме как принять все выдвинутые римлянами требования. После подписания договора шаханшаху, как и обещал Диоклетиан, были возвращены все члены его семьи, находившиеся в римском плену (Petr. Patr. Fr. 14).

Соглашение, заключенное в 298 г. между Диоклетианом и Нарсе, иногда также именуемое первым (в отличие от второго, подписанного в 363 г.) Нисибисским договором, определило систему международных отношений в Передней Азии на несколько ближайших десятилетий. Под контроль Рима переходило пять областей, некоторые из них находились на левом, ранее принадлежавшем персам, берегу Тигра. Правда, в данные, сообщаемые Петром Патрикием относительно перечня территорий, уступленных Персией Риму, вносит некоторые коррективы более ранний и лучше осведомленный на этот счет римский автор — Аммиан Марцеллин⁸². Аммиан, как и Петр, говорит о передаче персами римлянам пяти провинций (*regiones Transtigitani*), но его перечень выглядит несколько иначе: Арзанена, Моксоена, Забдицена, Регимена и Кордуэна (Amm. Marc. XXV. 7. 9). Как мы видим, совпадают названия трех областей: Арзанены, Кордуэны и Забдикены, — в остальной же части списки Аммиана Марцеллина и Петра Патрикия рознятся. Предпочтение, несомненно, следует отдать списку Аммиана, и не только потому, что он, в отличие от Петра Патрикия, стоял на два столетия ближе к рассматриваемым событиям или в силу своего служебного положения имел доступ к аутентичной, а значит, достоверной информации. Дело в том, что если наложить данные Аммиана и Петра на карту, то мы увидим, что провинции, перечисляемые Аммианом, достаточно кучно локализируются на левобережье Тигра в его верхнем течении и образуют сплошной территориальный массив, простирающийся в северном направлении почти до самого озера Ван, образуя мощный заслон на пути возможного продвижения персидских войск из Верхней Месопотамии или Армении в Сирию. Описанная Аммианом конфигурация областей, уступленных Риму Ираном в 298 г., выглядит целесообразной и с военно-географической точки зрения, поскольку в этом случае западная граница аннексированных римлянами территорий совпадает с рекой Нимфий (совр. Батман), образующей труднопреодолимую естественную преграду.

В варианте, предлагаемом Петром Патрикием, такой логики мы не видим. Две из названных им областей, Софена и Ингилена, находятся гораздо западнее трех остальных (Арзанены, Кордуэны и Забдикены), на границе с римской

⁸² Аммиан служил при императорском штабе как раз в то время, когда заключался второй Нисибисский договор (363 г.), и словам Аммиана (XXV. 7. 9) о том, что правивший тогда персидский царь Шапур II «настаивал на возвращении ему, как он выражался, его владений, отнятых у него Максимианом», под которыми имелись в виду именно пять областей, перешедших к персам в 298 г., можно полностью доверять. В пользу правоты именно Аммиана Марцеллина ранее высказывался В. Энслин (см. Enßlin 1942, 47).

Рис. 2. Территория, отошедшая к Риму по договору 298 г.
(граница отмечена пунктиром; названия упоминаемых в источниках областей подчеркнуты).
Картографическая основа по: Maksymiuk 2015, 99

Каппадокией, т.е. в районе, где боевые действия велись относительно редко, в связи с чем какие-либо территориальные приобретения здесь не имели для Рима особого смысла. Кроме того, Софена и Ингилена не образуют с тремя другими областями единой территории, поскольку отделены от них Софаненой, и такая чересполосица в договоре об изменении границ выглядит нелепо. Наконец, у нас есть все основания считать, что на момент заключения договора Софена и примыкающая к ней небольшая Ингилена, являвшиеся, строго говоря, западноармянскими областями (арм. Цопк), вообще не принадлежали персам, поскольку к тому времени, как было отмечено выше, Иран скорее всего утратил контроль над западной частью Армении; в таком случае захват римлянами этих земель являлся бы ударом не по Персии, а по союзному Риму Армянскому царству⁸³ (рис. 2).

Остальные условия договора 298 г. вызывают меньше вопросов, хотя и здесь не всегда все ясно. Так, не очень понятно, что имеется в виду под границей между Римом и Ираном, проходящей по Тигру, поскольку в предыдущем условии она должна была быть отодвинута далеко к северу и северо-востоку от этой реки. Вероятно, это означало, что Тигр рассматривался в качестве межгосударственной границы за пределами Транстигританских областей, т.е. южнее (ниже по

⁸³ Винтер и Дигнас, однако, полагают, что передача Риму пяти персидских областей носила номинальный характер, поскольку фактически эти территории находились под властью армянского царя (Winter, Dignas 2001, 151). См. также Garsoïan 1997, 75.

течению) Забдикены⁸⁴. Упоминаемая в третьем пункте договора крепость под названием Зинта (Зинфа) по другим источникам неизвестна, и все попытки ее идентификации остаются неудачными⁸⁵. Судя по контексту, речь в данном случае шла о каких-то приращениях территории Армении за счет персидских владений в Мидии, т.е. в юго-восточном направлении⁸⁶. Превращение царя Иверии в клиента Рима означало усиление позиций Империи не только в Армении, но и в Закавказье в целом. Вероятно, под царем Иверии следует понимать Михрана III (284–361 гг.), принимавшего, согласно Моисею Хоренскому, участие в походах Тиридата III против персов (Моисей Хоренский, 152). В то же время в «Истории картлийских царей» Леонтия Мровели (XI в.) Михран позиционируется как родственник Сасанидов и первоначально выступает в качестве союзника Ирана и противника Армении и Рима (Leon. Mrov. P. 43). Позднее при посредничестве римского императора (Леонтий называет его Константином, но на самом деле это явно был Диоклетиан) между Тиридатом и Михраном был заключен мир, подкрепленный династическим браком (Leon. Mrov. P. 44). Примирение армянского и грузинского правителей и переход последнего на сторону Рима и Армении следует связывать с рассматриваемым условием римско-персидского договора⁸⁷. Наконец, обозначение Нисибиса в качестве единственного города, где могла вестись римско-персидская торговля, было обусловлено главным образом экономическими мотивами, поскольку делало Рим единственным получателем таможенных сборов и ставило всю торговлю между двумя странами под его контроль⁸⁸. Отчасти появление этого пункта в договоре было обусловлено тем, что после падения Хатры и Пальмиры торговые пути сместились на север, в бассейн Тигра, что и определило роль Нисибиса как крупного торгового центра⁸⁹. Возможно также, что при подписании соглашения был определен и срок его действия продолжительностью 40 лет, на что косвенно указывает в одной из своих речей Либаний (Or. LIX.65).

Итак, Нисибисский договор 298 г. закрепил преобладание в Передней Азии Римской империи, сумевшей, несмотря на все внутренние и внешние потрясения, возродить свое влияние в регионе. Кроме того, было окончательно восстановлено союзное Риму Армянское царство, чей правитель Тиридат III теперь распространил свою власть и на ту часть Армении, которая с середины III в. находилась под контролем Сасанидов⁹⁰. Спустя несколько лет, в 301 г., Тиридат принял христианство, что не только придало армяно-персидскому противостоянию

⁸⁴ См. Enßlin 1942, 48; Blockley 1984, 32–33.

⁸⁵ См. Blockley 1984, 33; Dodgeon, Lieu 1994, 321–322, n. 50.

⁸⁶ См. однако Winter, Dignas 2001, 152.

⁸⁷ См. Toumanoff 1969a, 22. О Михране (*Meribanes*, Мерибан) и его сыне Бакуре (*Aspacures*, Аспакур) упоминает также Аммиан Марцеллин (XXI. 6. 8; XXXI. 12. 16).

⁸⁸ Это требование также имело военную подоплеку, поскольку таким образом ограничивались возможности шпионажа для персидских торговцев, которые, пользуясь возможностью находиться в приграничных вражеских городах, собирали здесь разведывательные данные (см. Dmitriev 2016, 16–17).

⁸⁹ Dignas, Winter 2007, 196.

⁹⁰ См. однако: Garsoïan 1971, 57; 1997, 75.

новый, религиозный оттенок, но и имело далеко идущие последствия как для самой Армении, так и для ее соседей.

О событиях, происходивших в период правления Нарсе внутри самого Ирана, мало что известно, но из того, что мы знаем, следует прежде всего отметить некоторые перемены в сфере религиозной политики. По всей видимости, сам Нарсе, в отличие от своих ближайших предшественников, не был ярким поборником официального воинствующего зороастризма кердировского толка с его ярко выраженным акцентом на культ Ормазда, средоточием которого были храмы огня; на это, в частности, указывает Саалиби, отмечавший, что царь «не посещал храмы огня»⁹¹. В связи с этим Нарсе не были свойственны и те крайности в отношениях с другими конфессиями, которые проявлялись в период правления Варахрана I и в особенности Варахрана II. О некотором отходе от господствовавших прежде религиозных тенденций и возвращении к исконным духовным традициям свидетельствует и особенно почтительное отношение Нарсе к культу богини Анахид, с которым были связаны основатели династии Сасанидов⁹². В этой связи В.Г. Луконин отмечал, что «в искусстве Ирана эпохи Картира — Варахрана II совершенно отсутствуют символы Анахиты»⁹³. Следует, однако, заметить, что некоторое оживление интереса непосредственных предшественников Нарсе к Анахид имело место уже в период правления Варахрана II, о чем

⁹¹ Tha'alibi, 510. У. Вебер, однако, расценивает это замечание Саалиби «скорее как анекдот, чем исторический факт», апеллируя к тому, что на монетах Нарсе именовал себя *ēr mazdēsn*, и к «многочисленным упоминаниям» Ормазда в NPi (Weber 2012, 258, Anm. 362; 2016b). С этими аргументами нельзя полностью согласиться, поскольку в NPi имя Ормазда в качестве небесного покровителя Нарсе встречается лишь дважды (NPi. 1; 19), причем в первом случае оно (в форме *mazdēsn*) является не более чем эпитетом, входящим в стандартную титулатуру сасанидских шаханшахов — «поклоняющийся Ормазду». Что же касается второго упоминания данного теонима в NPi, то именно оно, как ни странно, и дает основания «подозревать» Нарсе в определенных религиозных новациях (на что, как мы помним, намекает вызывающий недоверие У. Вебер Саалиби), поскольку здесь наряду с опять же стандартными для царских надписей «Ормаздом и всеми йазатами», традиционно выступающими в роли небесных покровителей монарха, мы и встречаем имя богини Анахид. Более того, новые данные, полученные в ходе изучения надписи Нарсе из Пайкули, показывают, что теоним «Анахид» упоминается в NPi еще раз (§ 2) в составе словосочетания «Пероз-Анахид-Нарсе» (*Pērōz-Anāhīd-Narseh*) («Нарсе, побеждающий с помощью Анахид»), которое является не просто эпитетом Нарсе, а выступает в качестве своеобразного заглавия для всей надписи (Cereti, Terribili 2014, 357–358). Возвращаясь к теме монет, следует отметить, что помещавшиеся на них изображения и легенды, подобно титулам правителей, отличаются значительным консерватизмом (см. Zograf 1951, 78) и далеко не всегда так быстро, как нам хотелось бы, отражают изменения в тех или иных областях общественной жизни.

⁹² Duchesne-Guillemin 1983, 884; Overlaet 2013, 332; Patterson 2017, 185.

⁹³ Lukonin 1969, 97. В другой своей работе он указывает, что «при Картире и Варахране II (70–90-е гг. III в.) она (Анахид. — В.Д.) теряет свой престиж как родовая богиня династии... С бесспорно легитимистскими целями повелевает ее вновь изобразить Нарсе на своем инвеститурном рельефе в Накш-и Рустаме» (Lukonin 1987, 194). См. также Overlaet 2013, 332–334.

Рис. 3. Инвеститура Нарсе (слева), принимающего символ царской власти от Анахид (справа). Рельеф в Накш-и Рустаме. *WikiCommons*

свидетельствует появление изображений этой богини на его монетах⁹⁴. Так, например, в своей надписи на Каабе Зороастра мобед Кердир именует себя, кроме прочего, «владыкой и распорядителем храма огня Анахид-Ардашир и Анахид-Госпожи в Стахре» (KKZ. 8)⁹⁵. Из этого можно сделать вывод о происшедшем при Варахране II распространении власти мобеда Ормазда Кердира и на родовой храм Сасанидов в Истахре, посвященный Анахид. Скорее всего именно этим объясняется как появление данной богини на монетах необычайно благоволившего Кердиру Варахрана II, так и последующее стремление Нарсе, в противовес

⁹⁴ Soudavar 2009, 418–460.

⁹⁵ Луконин полагает, что в Истахре находился лишь один из упомянутых здесь храмов, Анахид-Ардашир (которым, по мнению исследователя, являлась Кааба Зороастра: Lukonin 1969, 31), в то время как храм Анахид-Госпожи находился в Кангаваре (Lukonin 1987, 192). О храме в Кангаваре см. Kleiss *et. al.* 1973, 196–197; Azarnoush 2009. Следует отметить, что идентификация Каабы Зороастра и храма в Кангаваре именно как святилищ богини Анахид разделяется далеко не всеми исследователями (см., например, Goldman 1965). О храмах Анахид в Истахре см. также Shavarebi 2018.

проводившейся его предшественником политике, вернуть почитанию Анахид особый, самостоятельный статус.

Явное усиление позиций культа Анахид в период правления Нарсе проявилось в оформлении короны шаханшаха⁹⁶, упоминании имени Анахид как покровительницы царя в надписи из Пайкули (NPi. 19), и в особенности появлении изображения этой богини (а не Ормазда, как было принято ранее) на царском инвеститурном рельефе в Накш-и Рустаме (рис. 3)⁹⁷, что является уникальным случаем для такого рода памятников⁹⁸.

На этом фоне вовсе не кажется случайным, что Нарсе прекратил продолжавшиеся два десятилетия жестокие преследования проживавших в Иране представителей незороастрийских религий, тем самым возродив веротерпимость, столь характерную для эпохи правления его отца, Шапура I (кстати сказать, многократно упоминаемого в надписи из Пайкули: NPi. 1, 65, 66, 68, 70). В восточно-сирийской «Хронике Сиирта» сообщается, что в годы правления Нарсе «христианам не приходилась терпеть страдания» (*Chron. Seert.* 12)⁹⁹, а из других источников известно о том, что после воцарения Нарсе не только христиане, но и манихеи без каких-либо особых ограничений отправляли свой культ¹⁰⁰. Можно предположить, что и другие религии, гонимые ранее, при этом шаханшахе пользовались определенной свободой. Судя по всему, именно смягчение религиозной политики, наряду с происшедшим незадолго до этого восстановлением независимости Армянского царства и некоторыми другими факторами, явилось одной из причин принятия Арменией христианства, что стало для сасанидского Ирана еще одним серьезным ударом, определившим принципиально новую расстановку сил в Передней Азии на весь последующий период римско-персидского противостояния за гегемонию в данном регионе.

Нарсе правил до 302 г. Несколько расплывчатое сообщение Масуди о том, что Нарсе «передал корону своему сыну Ормизду» (Maṣʿūdī, 174) дает возможность предположить, что Нарсе то ли по причине старческой немощи, то ли из-за осознания своей неспособности переломить ситуацию, еще до своей смерти отказался

⁹⁶ Lukonin 1969, 155.

⁹⁷ См. Erdmann 1943, 61; Chaumont 1958, 170; Lukonin 1969, 120; Gignoux 1984, 80, n. 36). Альтернативная версия, согласно которой стоящая перед Нарсе женщина является его супругой Шапурдхтак (Shahbazi 1983), позднее была подвергнута критике К. Танабе (Tanabe 1986; Tanabe 2018). Впрочем, часть исследователей поддержала точку зрения Ш. Шахбази (Weber 2010b; 2012, 59–60; Weber, Wiesehöfer 2010, 111–112; Mosig-Walburg 2011, 460). Подробнее о проблеме идентификации женского персонажа на инвеститурном рельефе Нарсе см. Kaim 2009; Shenkar 2013.

⁹⁸ Ghirshman 1974, 38.

⁹⁹ Правда, здесь же автор хроники говорит о гуманном отношении к христианам и со стороны Варахрана II, однако это полностью противоречит тому, что мы знаем о религиозной ситуации в Иране при этом царе из надписи Кердира на Каабе Зороастра, в которой мобед с гордостью сообщает о своих успехах в преследовании иноверцев.

¹⁰⁰ Weber 2016b; см. также Lukonin 1969, 121–122. Вместе с тем было бы, разумеется, неправильным полагать, что теократические тенденции в сфере государственной идеологии и позиционирования царской власти при Нарсе ослабили или, тем более, исчезли (Choksy 1988, 48).

от престола в пользу своего сына Ормизда II (302—309 гг.). Вместе с тем вполне возможно, что отречение Нарсе (если оно действительно имело место) произошло под давлением иранской знати, когда-то поддержавшей его в борьбе за власть, но теперь имевшей все основания для недовольства проводившейся им политикой.

Подводя итоги, следует отметить, что в биографии Нарсе как в зеркале отразились все важнейшие проблемы и противоречия, свойственные сасанидскому Ирану на всем протяжении его истории, — конфликты внутри правящей династии, борьба персидской монархии с аристократической фрондой, конкуренция светской и духовной властей, противостояние зороастризма и незороастрийских конфессий, полные драматизма и непредсказуемости отношения с Римской империей.

Результаты правления Нарсе были плачевны. Усиление знатных родов в ущерб центральной власти еще больше дезорганизовало систему государственного управления. Как следствие, из агрессора, каковым он являлся в первые десятилетия своего существования, сасанидский Иран сам превратился в объект иноземных вторжений¹⁰¹. Еще более усугубила ситуацию проигранная Нарсе война с Римом 296—298 гг., приведшая к переходу под контроль Империи ряда ключевых с военной точки зрения областей Верхней Месопотамии; борьба за их возвращение заняла у сасанидского Ирана почти 70 лет и стоила ему огромных потерь. Армянское царство, игравшее в эпоху поздней древности стратегически важную роль в системе международных отношений в переднеазиатском регионе, приняло христианство и тем самым навсегда поставило себя в положение противника Сасанидской державы и тем самым союзника Рима.

Однако было бы неверным считать Нарсе главным виновником бед, обрушившихся в годы его царствования на державу Сасанидов. Все происходившее в это время в значительной степени являлось итогом губительного для Иранского государства двадцатилетнего пребывания у власти его предшественников, и кардинальным образом исправить положение одному Нарсе за тот короткий срок, который он находился на троне, вряд ли было под силу. Преемникам Нарсе потребовалось еще несколько десятилетий, чтобы навести порядок в стране и вернуть сасанидскому Ирану его бывшее величие.

Ирония же судьбы заключалась в том, что все последующие Сасаниды были потомками именно Нарсе, так как его братья либо не оставили наследников, либо их роды вскоре пресеклись, и в каком-то смысле этого шаханшаха можно считать спасителем правящей династии, благодаря которому она не угасла в самый критический момент истории Сасанидского государства.

Литература / References

- Alram, M. 2012: Narseh (293—302/3). In: M. Alram, R. Gyselen (eds.), *Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris—Berlin—Wien*. Vol. II. *Ohrmazd I. — Ohrmazd II*. Vienna, 277—352, 488—523.
- Azarnoush, M. 2009: New evidence on the chronology of the “Anahita temple”. *Iranica Antiqua* 44, 393—402.
- Bivar, A.D.H. 1983: The history of Eastern Iran. In: E. Yarshater (ed.), *The Cambridge History of Iran*. Vol. 3. Pt. 1. *The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods*. Cambridge, 181—231.

¹⁰¹ См. Dmitriev 2019, 50.

- Blockley, R.C. 1984: The Romano-Persian peace treaties of A.D. 299 and 363. *Florilegium* 6, 28–49.
- Bonner, M.R.J. 2014: *An Historiographical Study of Abū Ḥanīfa Aḥmad Ibn Dāwūd Ibn Wanand Al-Dīnawarī's Kitāb Al-Aḥbār Al-Tiwāl'*. Ph D. diss. Oxford.
- Carter, M.L. 1985: A numismatic reconstruction of Kushano-Sasanian history. *Museum Notes (American Numismatic Society)* 30, 215–281.
- Carter, M.L. 1990: Early Sasanian and Kushano-Sasanian coinage from Merv. *Bulletin of the Asia Institute* 4, 11–16.
- Cereti, C.G., Terribili, G. 2014: The Middle Persian and Parthian inscriptions on the Paikuli tower. New blocks and preliminary studies. *Iranica Antiqua* 49, 347–412.
- Chaumont, M.-L. 1958: Le culte d'Anahitā à Staxr et les premiers Sassanides. *Revue de l'histoire des religions* 153/2, 154–175.
- Choksy, J.K. 1988: Sacral kingship in Sasanian Iran. *Bulletin of the Asia Institute* 2, 35–52.
- Daryaee, T. 2009: *Sasanian Persia. The Rise and Fall of an Empire*. London–New York.
- Daryaee, T. 2017: A note on the 'Great King of Armenia'. In: P.S. Avetisyan, Y.H. Grekyan (eds.), *Bridging Times and Spaces. Papers in Ancient Near Eastern, Mediterranean and Armenian Studies. Honouring Gregory E. Areshian on the Occasion of His Sixty-Fifth Birthday*. Oxford, 85–87.
- DeShazo, A.S. 1993: The order of Narseh's coin portraits. *Pahlavi Palaver* 2, 2–3.
- Dignas, B., Winter, E. 2007: *Rome and Persia in Late Antiquity. Neighbours and Rivals*. New York.
- Dmitriev, V.A. 2016: [Military intelligence in Sasanian Iran: organization and sources of information]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya "Sotsial'nye nauki" [Journal of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Social Studies Series]* 1, 9–22.
- Дмитриев, В.А. Военная разведка в сасанидском Иране: организация деятельности и источники информации. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки»* 1, 9–22.
- Dmitriev, V.A. 2019: [The Eastern campaigns of Shapur II]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost' [Orient. Afro-Asian Societies: History and Modernity]* 2, 49–63.
- Дмитриев, В.А. Восточные кампании Шапура II. *Восток. Аффо-азиатские общества: история и современность* 2, 49–63.
- Dodgeon, M.H., Lieu, S.N.C. (eds.) 1994: *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363). A Documentary History*. London–New York.
- Duchesne-Guillemin, J. 1983: Zoroastrian religion. In: E. Yarshater (ed.), *Cambridge History of Iran*. Vol. 3. Pt. 2. *The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods*. Cambridge, 866–908.
- Enßlin, W. 1942: *Zur Ostpolitik des Kaisers Diokletian*. München.
- Erdmann, K. 1943: *Die Kunst Irans zur Zeit der Sasaniden*. Berlin.
- Frye, R.N. 1983: The political history of Iran under the Sasanians. In: T. Yarshater (ed.), *The Cambridge History of Iran*. Vol. 3. Pt. 1. *The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods*. Cambridge, 116–180.
- Garsoïan, N.G. 1971: [Armenia in the 4th century (an attempt to re-define the concepts "Armenia" and "loyalty")]. *Vestnik obshchestvennykh nauk Akademii nauk Armyanskoy SSR [Herald of the Social Sciences of the Academy of Sciences of Armenian SSR]* 3, 55–62.
- Гарсоян, Н.Г. Армения в IV в. (к вопросу уточнения терминов «Армения» и «верность»). *Вестник общественных наук АН Армянской ССР* 3, 55–62.
- Garsoïan, N. 1997: The Aršakuni dynasty (A.D. 12–[180?])–428). In: R.G. Hovannisian (ed.), *The Armenian People from Ancient to Modern Times*. Vol. 1. *The Dynastic Periods: from Antiquity to the Fourteenth Century*. New York, 63–94.
- Ghirshman, R. 1974: Les scènes d'investiture royale dans l'art rupestre des Sassanides. *Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 118e année 1, 35–42.
- Gignoux, Ph. 1984: Church-state relations in the Sasanian period. In: T. Misaka (ed.), *Monarchies and Socio-Religious Traditions in the Ancient Near East. Papers Read at the 31st International Congress of Human Sciences in Asia and North Africa*. (Bulletin of the Middle Eastern Culture Center in Japan, I). Wiesbaden, 72–80.
- Gnoli, G. 1989: *The Idea of Iran. An Essay on Its Origin*. Roma.
- Gnoli, G. 1998: Ēr, ēr mazdēšn. In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopædia Iranica*. Vol. VIII. Fasc. 5. London, 533. (URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/er-er-mazdesn>; дата обращения: 21.02.2020).
- Goldman, B. 1965: Persian fire temples or tombs? *Journal of Near Eastern Studies* 24/4, 305–308.

- Göbl, R. 1959: Narsē und nicht Bahrām III: Das Problem des Herrschers mit Lamellenkrone, zugleich ein Beitrag zur frühsasanidischen Münzepigraphik. *Numismatische Zeitschrift* 78, 5–13.
- Gyselen, R. 2008: The great families in the Sasanian empire: some sigillographic evidence. In: D. Kennet, P. Luft (eds.), *Current Research in Sasanian Archaeology, Art and History. Proceedings of a Conference Held at Durham University, November 3rd and 4th, 2001*. (BAR International Series, 1810). Oxford, 107–113.
- Henning, W.B. 1939: The Great inscription of Šāpūr I. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* 9/4, 823–849.
- Henning, W.B. 1954: Notes on the Great inscription of Šāpūr I. In: *Professor Jackson Memorial Volume. Papers on Iranian Subjects*. Bombay, 40–54.
- Herzfeld, E. 1924: *Paikuli. Monument and Inscription of the Early History of the Sasanian Empire*. Vol. 1. Berlin.
- Humbach, H., Skjærvø, P.O. 1983: *The Sassanian Inscription of Paikuli*. Vol. III. Pt. 1. *Restored Text and Translation*. Wiesbaden.
- Justi, F. 1895: *Iranisches Namenbuch*. Marburg.
- Kaim, B. 2009: Investiture or Mithra. Towards a new interpretation of so-called investiture scenes in Parthian and Sasanian art. *Iranica Antiqua* 44, 403–415.
- Khurshudyan, E. Sh. 2015: *Gosudarstvennye instituty parfyanskogo i sasanidskogo Irana. III v. do n.e. – VII v. n.e. [State Institutions of Parthian and Sasanian Iran. 3rd Cent. BC – 7th Cent. CE]*. Almaty.
- Хуршудян, Э.Ш. *Государственные институты парфянского и сасанидского Ирана. III в. до н.э. – VII в. н.э.* Алматы.
- Kleiss, W. et al. 1973: Survey of excavations in Iran 1971–72. *Iran* 11, 185–214.
- La Vaissière, E., de. 2016: Kushanshahs. I. History. In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopædia Iranica. Online Edition*. New York. (URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/kushanshahs-01>; дата обращения: 21.02.2020).
- Laubscher, H.P. 1975: *Der Reliefschmuck des Galeriusbogens in Thessaloniki*. Berlin.
- Lukonin, V.G. 1964: [Varhrān II et Narsē (Iran, 70s–90s of the 3rd cent. CE)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 48–63.
- Луконин, В.Г. Варахран II и Нарсе (Иран, 70–90-е годы III в.). *ВДИ* 1, 48–63.
- Lukonin, V.G. 1966: [Kartir and Mani]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 65–81.
- Луконин, В.Г. Картир и Мани. *ВДИ* 3, 65–81.
- Lukonin, V.G. 1969: *Kul'tura sasanidskogo Irana. Iran v III–V vv. Ocherki po istorii kul'tury [Culture of Sasanian Iran: Iran in the 3rd–5th Cent. CE. Essays on the History of Culture]*. Moscow.
- Луконин, В.Г. Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры. М.
- Lukonin, V.G. 1979: *Iran v III veke. Novye materialy i opyt istoricheskoy rekonstruktsii [Iran in the 3rd Century CE. New Data and Experience of Historical Reconstruction]*. Moscow.
- Луконин, В.Г. Иран в III веке. Новые материалы и опыт исторической реконструкции. М.
- Lukonin, V.G. 1987: *Drevniy i rannesrednevekovyy Iran. Ocherki istorii kul'tury [Ancient and Early Medieval Iran. Essays on the History of Culture]*. Moscow.
- Луконин, В.Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. М.
- Maksymiuk, K. 2015: *Geography of Roman-Iranian Wars. Military Operations of Rome and Sasanian Iran*. Siedlce.
- Marquart, J. 1901: *Ērānšahr: nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i*. Berlin.
- Mosig-Walburg, K. 2011: Das „sasanidische Kronengesetz“: Entstehung und Entwicklung eines modernen Konstrukts. Zugleich ein Beitrag zur Deutung des Reliefs Narses in Naqsh-e Rostam. *Klio* 93/2, 446–473.
- Nikitin, A. 1999: Notes on the chronology of the Kushano-Sasanian kingdom. In: M. Alam, D.E. Klimburg-Salter (eds.), *Coins, Art and Chronology: Essays on the Pre-Islamic History of the Indo-Iranian Borderlands*. Wien, 259–263.
- Olbrycht, M.J. 2016: Dynastic connections in the Arsacid empire and the origins of the House of Sāsān. In: V.S. Curtis, E.J. Pendleton, M. Alam, T. Daryaee (eds.), *The Parthian and Early Sasanian Empires: Adaptation and Expansion. Proceedings of a Conference Held in Vienna, 14–16 June 2012*. Oxford–Philadelphia (PA), 23–35.
- Overlaet, B. 2013. And man created god? Kings, priests and gods on Sasanian investiture reliefs. *Iranica Antiqua* 48, 313–354.

- Patterson, L.E. 2017: Minority religions in the Sasanian empire: suppression, integration and relations with Rome. In: E.W. Sauer (ed.), *Sasanian Persia: Between Rome and the Steppes of Eurasia*. Edinburgh, 181–198.
- Potter, D.S. 2004: *The Roman Empire at Bay. AD 180–395*. London–New York.
- Schindel, N. 2012: The beginning of Kushano-Sasanian coinage. In: M. Alam, R. Gyselen (eds.), *Sylloge Nummorum Sasanidarum Paris–Berlin–Wien*. Bd. II. *Ohrmazd I. – Ohrmazd II*. Wien, 65–73.
- Shahbazi, A. Sh. 1983: Studies in Sasanian prosopography I: Narse's relief at Naqsh-e Rostam. *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 16, 255–268.
- Shahbazi, A. Sh. 1988: Bahrām I. In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopædia Iranica*. Vol. III. Fasc. 5. London, 514–522. (URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/bahram-01>; дата обращения: 21.02.2020).
- Shavarebi, E. 2018: The temples of Anāhid at Estakhr (Southern Iran): historical documents and archaeological evidence. In: J. Belaj, M. Belaj, S. Krznar, T. Sekelj Ivančan, T. Tkalčec (eds.), *Sacralization of Landscape and Sacred Places. Proceedings of the 3rd International Scientific Conference of Mediaeval Archaeology of the Institute of Archaeology. Zagreb, 2nd and 3rd June 2016*. (Zbornik Instituta za arheologiju, 10). Zagreb, 179–194.
- Shenkar, M.A. 2013: [A goddess or a queen? On the interpretation of the female figure on the relief of Narseh at Naqsh-e Rostam]. In: M.D. Bukharin (ed.), *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury* [*Scripta antiqua. Ancient History, Philology, Arts and Material Culture*] 3. Moscow, 614–634.
- Шенкаръ, М.А. Богиня или царица? К интерпретации женского персонажа на рельефе Нарсе из Накш-е Рустама. В сб.: М.Д. Бухарин (ред.), *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры* 3. М., 614–634.
- Skjærvø, P.O. 2011: Kartir. In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopædia Iranica*. Vol. XV. Fasc. 6. London, 608–628. (URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/kartir>; дата обращения: 21.02.2020).
- Soudavar, A. 2009: The vocabulary and syntax of iconography in Sasanian Iran. *Iranica Antiqua* 44, 417–460.
- Tanabe, K. 1986: A study of the investiture of Narseh at Naqsh-e Rostam: Anahitah or Queen of Queens? *Orient* 22, 105–127.
- Tanabe, K. 2018: Not the queen Šābuhrdustag but the goddess Anāhitā: identification of the female figure in the investiture scene of Narseh at Naqsh-e Rostam. *Japan Society for Hellenistic-Islam Archaeological Studies* 25, 9–26.
- Toumanoff, C. 1969a: Chronology of the early kings of Iberia. *Traditio* 25, 1–33.
- Toumanoff, C. 1969b: The third-century Armenian Arsacids: a chronological and genealogical commentary. *Revue des Études Arméniennes* 6, 233–281.
- Tsirkin, Yu.B. 2015: «Voennaya anarkhiya» v Rimskoy imperii [“Military Anarchy” in the Roman Empire]. Saint-Petersburg.
- Циркин, Ю.Б. «Военная анархия» в Римской империи. СПб.
- Weber, U. 2007: Hormezd I., König der Könige von Ērān und Anērān. *Iranica Antiqua* 42, 387–418.
- Weber, U. 2009: Wahrām II., König der Könige von Ērān und Anērān. *Iranica Antiqua* 44, 559–643.
- Weber, U. 2010a: Wahrām III., König der Könige von Ērān und Anērān. *Iranica Antiqua* 45, 353–394.
- Weber, U. 2010b: Zu den Feldbildnissen des Königs Narseh. R. Gyselen, (ed.), *Sources for the History of Sasanian and Post-Sasanian Iran*. (Res Orientalis, XIX). Leuven, 305–319.
- Weber, U. 2012: Narseh, König der Könige von Ērān und Anērān. *Iranica Antiqua* 47, 153–302.
- Weber, U. 2016a: Hormezd II., König der Könige von Ērān und Anērān. *Iranica Antiqua* 51, 313–360.
- Weber, U. 2016b: Narseh. In: E. Yarshater (ed.), *Encyclopædia Iranica. Online Edition*. New York. (URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/narseh-sasanian-king>; дата обращения: 21.02.2020).
- Weber, U., Wiesehöfer, J. 2010: König Narsehs Herrschaftsverständnis. In: H. Börm, J. Wiesehöfer (eds.), *Commutatio et contentio: Studies in the Late Roman, Sasanian and Early Islamic Near East in Memory of Zeev Rubin*. Düsseldorf, 89–132.
- Wiesehöfer, J. 2007: Narseh, Diokletian, Manichäer und Christen. In: A. Mustafa, J. Tubach, G.S. Vashalomidze (eds.), *Inkulturation des Christentums im Sasanidenreich*. Wiesbaden, 161–169.
- Winter, E., Dignas, B. 2001: *Rom und das Perserreich. Zwei Weltmächte zwischen Konfrontation und Koexistenz*. Berlin.
- Zograf, A.N. 1951: *Antichnye monety* [Ancient Coins]. Moscow.
- Зорграф, А.Н. Античные монеты. М.